

СИБИРСКИЙ МЕДИЦИНСКИЙ ЖУРНАЛ

4 2000

Научно-практическое издание

ТОМ 15

С.Ф. Фоминых, С.А. Некрылов

Императорский Томский университет конца XIX века глазами студента

Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ (проект № 00-03-00239а)

В фондах Музея истории Томского государственного университета хранятся оригиналы 10 писем студента медицинского факультета Томского университета с 1896 по 1902 г. Николая Дмитриевича Либерова, адресованные его другу Евгению (фамилия не установлена), который вместе с Н.Д. Либеровым учился в Костромской духовной семинарии. Они датируются 1896-1897 гг. В этом номере журнала вниманию читателей предлагаются 4 письма, полностью, без купюр. Они даны в оригинальном изложении автора, с сохранением современной автору орфографии и пунктуации. Письма к публикации и примечания к ним подготовлены профессором С.Ф. Фоминых и кандидатом исторических наук С.А. Некрыловым. Первые два письма, представленные в журнале, были написаны в июне-июле 1896 г., когда Н.Д. Либеров сдал выпускные экзамены в Костромской духовной семинарии и готовился к поездке в Томск. Другие 2 отправлены адресату уже из Томска в сентябре-октябре того же года. В это время Либеров по результатам экзаменов был принят на первый курс медицинского факультета и слушал первые лекции профессоров. В этих письмах, которые фрагментарно публиковались в 1988 г. на страницах многотиражной газеты Томского университета «За советскую науку», в 1998 г. в №15 краеведческого альманаха «Сибирская старина» и в 2000 г. в молодежном приложении к газете «Алма матер» — «Контакт», можно найти впечатления, навеянные его путешествием от Костромы до Томска и первым знакомством с городом. Они дают представление о Томске и первом сибирском университете того времени (в его составе до 1898 г. был всего один медицинский факультет). Письма представляют особый интерес для понимания той атмосферы, в которой протекал учебный процесс в университете в конце XIX в. В первую очередь это касается характеристики профессоров, лекции которых он слушал (ботаника В.В. Сапожникова, богослова Д.Н. Беликова, гистолога А.Е. Смирнова, химика Е.В. Вернера, зоолога Н.Ф. Кашенко и др.), студенческого быта, взаимоотношений студентов между собой и с преподавателями, землячеств, существовавших в то время при университете.

Что собой представлял тогда Томский университет? На 1 января 1897 г. в нем обучалось 446 студентов. Весьма обширной была география мест, откуда они приехали для учебы в сибирский город. Практически в Томском университете были представлены все губернии тогдашней России. В основном это были выпускники духовных семинарий (353). Только из Костромской духовной семинарии в 1896 г. поступило 9 человек, а всего к 1 января 1897 г. их было 20. Владимирская духовная семинария была представлена 31 выпускником. Из си-

бирских духовных семинарий в то время в университете обучался 31 человек. Им преподавали 25 профессоров, 4 прозектора и 2 ассистента.

При университете имелось студенческое общежитие, в котором проживали 67 стипендиатов и своекоштных, т. е. получавших и не получавших стипендии. В то время при Томском университете имелось 20 казенных стипендий по 300 руб. в год каждая и 37 частных стипендий, которые выделялись из процентов с капитала, пожертвованного университету разными лицами. Средний размер каждой из этих стипендий равнялся в среднем 280 рублям. Плата за общежитие составляла 12 руб. в месяц. За эти деньги живущие в общежитии там же и питались. На завтрак на каждого студента полагалось 1,5 фунта (600 г) белого хлеба, в воскресные дни, кроме того, еще пирожки; обед состоял из двух блюд: супа и «жареного» (в праздники из 3), на ужин давали котлету или кружку молока. На студента полагалось 1,5 фунта мяса (с костями) и около 1,5 фунта в месяц масла коровьего. Черный хлеб был без ограничений, чай и сахар свой.

Остальные студенты устраивались на частные квартиры. Цена квартиры без стола (питания) составляла в среднем 7 руб. 10 коп., а со столом — 13 руб. 58 коп. в месяц. Условия жизни студентов на частных квартирах были значительно хуже, чем в университетском общежитии, чего нельзя сказать о питании. В устроенной местным благотворительным обществом столовой питание томским студентам обходилось сравнительно недорого и было неплохим по качеству. Большая часть студентов, кроме освобожденных (64), вносила в университетскую кассу плату за слушание лекций, около 90 руб. в год. Около 100 студентов в 1896 г. получили помощь в виде постоянных и единовременных пособий от управления сибирских городов, благотворительных обществ, учебных заведений, церкви и частных лиц.

При общежитии имелась библиотека, на 1 января 1897 г. ее фонд составлял 2718 томов книг. Кроме того, библиотека получала свыше 70 подписных изданий.

В Томске в 1896 г., когда Н.Д. Либеров приехал учиться, проживало около 50 тыс. человек. Это был центр Томской губернии, который отличался высоким материальным благосостоянием жителей. Город постепенно обустроивался. Имелся телефон, на главных улицах были деревянные тротуары. С 1 января того года на улицах появилось электрическое освещение. В 1896 г. состоялось открытие железнодорожной ветки от Томска до Тайги, и город получил таким образом выход на Сибирскую железную дорогу. В городе было много торговых заведений, до 133 фабрик и заводов с 2067 рабочими, занятыми на них. Помимо университета в Томске имелось 5 средних, 2 низших, 4 специальных учебных заведения и 19 городских школ. В апреле 1896 г. был учрежден технологический институт. Студенты имели возможность зарабатывать репетиторством и частными уроками.

Разнообразным был и досуг жителей. Зимой устраивались семейные вечера, балы и маскарады в Общественном собрании, в театре — спектакли, концерты, даваемые приезжими артистами, местными любительскими хорами, симфонические вечера местного отдела-

Н.Д. Либеров

ния Императорского Русского музыкального общества, публичные лекции профессоров, литературные вечера и т.д. В городе имелось 6 библиотек: университетская, бесплатная народная, архиерейского дома, при обществе взаимного вспомоществования приказчиков и две частные — П.И. Макушина (с 1871 г.) и Барановой (с 1896 г.). Имелось несколько разных обществ и учреждений, способствовавших развитию духовной жизни томичей. В 1896 г. открылось Общество содействия физическому развитию. Выходило несколько газет и журналов.

Возвращаясь к письмам Н.Д. Либерова, которые являются ценным историческим источником по истории медицинского образования в Сибири, необходимо сказать, что они написаны хорошим литературным языком и легко читаются. Любопытна и биография их автора.

Николай Дмитриевич Либеров родился 12 ноября 1876 г. в г. Галич Костромской губернии в семье потомственного священнослужителя. Его дед служил дьячком Воскресенской церкви села Пятницы Вочи Костромской епархии. Отец Николая, Дмитрий Иоаннович (1850-1904), после окончания в 1871 г. Костромской духовной семинарии с аттестатом 2-го разряда служил наставником Ильинского народного училища Костромской епархии. В 1876 г. он был рукоположен в священники Васильевской церкви города Галича. С 1879 г. он состоял законоучителем при Рыбнослободском женском духовном училище Костромской епархии. В 1891 г. Дмитрий Иоаннович был переведен в священники Афанасиевской церкви погоста Стрелице Галичского уезда той же епархии. Помимо Николая в семье Д.И. Либеро-

Императорский Томский университет (90-е гг. XIX в.)

ва было еще два сына — Александр, впоследствии священник, и Леонид.

Первоначальное образование Николай получил дома, занимаясь под руководством отца и матери Ольги Яковлевны (1856-1934). По окончании Галичского духовного училища (1890 г.) он поступил в Костромскую духовную семинарию, которую окончил в 1896 г. с аттестатом 1-го разряда, и был удостоен звания студента семинарии.

Николай не испытывал особого желания продолжить учебу в Духовной академии и поэтому решил связать свою последующую жизнь со светской профессией. Он делает выбор в пользу медицины и едет поступать на медицинский факультет Томского университета, который при открытии получил право принимать в студенты выпускников духовных семинарий. В том же году после сдачи "поверочных испытаний" он был зачислен в число студентов Императорского Томского университета. Одновременно с ним на курсе учились будущие профессора Томского университета А.А. Боголепов, К.Н. Завадовский, Е.И. Неболюбов, П.И. Чистяков.

Будучи студентом 3-го курса, Либеров принял участие в студенческих волнениях, вызванных избитием студентов в Петербурге 5 февраля 1899 г., и правлением университета был отчислен по собственному прошению, а в августе того же года был вновь принят на 3-й курс медицинского факультета. Во время обучения в университете на 2-м курсе получал казенную стипендию Западной Сибири, на 3-м курсе — стипендию имени П.А. Сиверса и на 4-м — стипендию имени генерал-адъютанта графа Н.П. Игнатьева.

Н.Д. Либеров окончил медицинский факультет Томского университета со степенью лекаря с отличием в 1902 г. В январе 1903 г. он был назначен на должность ординатора факультетской терапевтической клиники. Его ближайшим учителем и наставником был основатель сибирской школы терапевтов профессор М.Г. Курлов, под руководством которого Либеров успешно занимался научными исследованиями по гематологии.

В феврале 1904 г. в связи с началом русско-японской войны он был призван на действительную военную службу в должности старшего врача и направлен в 6-й

М.Г. Курлов

*Факультетские терапевтические клиники
Томского университета*

Сибирский казачий полк, расквартированный в Усть-Каменогорске. Вместе с полком в течение одного года он побывал в Уссурийском крае и в Корее, где принимал участие в боевых действиях, а затем был переведен младшим ординатором в Новокиевский лазарет, расположенный на границе с Китаем в 100 верстах от Владивостока. С июля по ноябрь 1905 г. Н.Д. Либеров выполнял те же обязанности в 56-м полевом запасном инфекционном госпитале, расположенном в самом Владивостоке.

По возвращении с военно-медицинской службы в начале 1906 г. Либеров выдержал испытания на степень доктора медицины. 9 августа 1908 г. он был назначен врачом Томского университета, должность которого исполнял до 1 сентября 1923 г. Одновременно с 1908 по 1915 г. и с 1922 по 1923 г. он являлся преподавателем Томской акушерско-фельдшерской школы, где вел курсы общей патологии, физиологии и внутренних болезней. 30 декабря 1910 г. он был избран ассистентом факультетской терапевтической клиники Томского университета.

В 1911 г. Н.Д. Либеров принимал участие в заседании Томской губернской санитарно-исполнительной комиссии по вопросу о принятии предупредительных мер против заноса чумы. 24 мая 1914 г. Николай Дмитриевич защитил в совете медицинского факультета Томского университета диссертацию "Влияние активных и пассивных мышечных движений на состав белых шариков крови" на соискание ученой степени доктора медицины. Рецензентами (цензорами) по диссертации были профессор М.Г. Курлов, П.П. Авроров и И.М. Левашев. В связи с началом первой мировой войны Николай Дмитриевич был вновь призван на действительную военную службу и проходил ее при Томском местном лазарете в должности старшего ординатора. Одновременно он читал сестрам милосердия курс физиологии и братьям милосердия курс ухода за больными.

В период Гражданской войны Н.Д. Либеров состоял консультантом в том же лазарете, переименованном в Томский военный госпиталь, сначала в белой, а со вто-

Н.Д. Либеров во время практических занятий

рой половины декабря 1919 г. по 1921 г. в Красной Армии. С 15 июля 1922 г. по 1 сентября 1926 г. он состоял старшим ассистентом факультетской терапевтической клиники Томского университета. Одновременно с мая 1922 по июль 1926 г. Николай Дмитриевич исполнял обязанности консультанта по внутренним болезням при Томском бальнеофизиотерапевтическом институте (НИИ курортологии и физиотерапии).

В июне 1926 г. ему было разрешено чтение самостоятельного необязательного курса для студентов 4-го курса по туберкулезу легких с зачислением в состав приват-доцентов медицинского факультета Томского университета. Однако курс прочитать Н.Д. Либерову не удалось, так как в июле 1926 г. его избрали профессором и заведующим кафедрой диагностики с пропедевтической терапевтической клиникой Омского медицинского института. Работая в мединституте, он по совместительству с 1926 по 1942 г. состоял консультантом физиотерапевтической лечебницы Омской железнодорожной больницы. С 1935 г. и до конца жизни Н.Д. Либеров работал консультантом спецполиклиники областного здравоотдела и поликлиники НКВД, а также являлся заведующим терапевтическим отделением областной клинической больницы.

В 1935 г. постановлением Высшей квалификационной комиссии Н.Д. Либерову была присвоена ученая степень доктора медицинских наук. Его перу принадлежит свыше 30 работ, посвященных вопросам ревматизма, бруцеллеза и бальнеологии и имевших большое теоретическое и практическое значение.

Н.Д. Либеров известен как ученый-бальнеолог и организатор курортного дела. В 1926 г. он был назначен научным руководителем курорта «Озеро Карачи» и занимал эту должность до 1941 г. Под его руководством и при личном участии был разработан и реализован план реконструкции этого известного сибирского курорта.

В годы Великой Отечественной войны, являясь консультантом двух эвакуированных госпиталей Омска, Н.Д. Либеров с энтузиазмом отдавался работе по лечению раненых солдат, офицеров а также больных рабочих оборонных предприятий, используя огромный опыт, накопленный им в предыдущих войнах.

Многогранной была и общественная деятельность Николая Дмитриевича. Он активно занимался популяризацией медицинских знаний, регулярно выступая с лекциями перед населением Омска и Омской области.

Н.Д. Либерову принадлежала инициатива организации студенческого научно-медицинского кружка (общества) при Омском мединституте, председателем которого он являлся многие годы. Помимо этого, он был председателем Омского филиала Всесоюзного комитета по борьбе с ревматизмом, межкафедральных конференций в областной клинической больнице, а также Омского филиала Всесоюзного общества терапевтов. В 1927 г. Н.Д. Либеров был избран в состав правления и заместителем председателя Омского медицинского общества. В 1939 г. Н.Д. Либеров был награжден знаком "Отличник здравоохранения". Умер Н.Д. Либеров 11 января 1944 г. в Омске.

Его другом и помощником была жена Антонина Ивановна (урожденная Глазунова), дочь служащего. У них было четверо детей — две дочери, Наталья и Софья, медики по образованию, и два сына — Кирилл и Алексей.

Алексей (р. 1911 г.) — народный художник России, лауреат Государственной премии имени Репина, профессор. В настоящее время проживает в Омске. В 1994 г. в этом сибирском городе в знак признания заслуг А.Н. Либерова был открыт художественный музей «Либеров-центр», целью которого является не только формирование художественной коллекции, но и организация в нем студии для одаренных детей.

Источники и литература: Государственный архив Томской области. Ф. 102. Оп. 1. Д. 1006; Оп. 2. Д. 2636; Архив Омской государственной медицинской академии. Ф. 14. Оп. 2. Д. 86 (Личное дело Н.Д. Либерова); Отчет Императорского Томского университета за 1896 г. Томск, 1896; Краткий исторический очерк Томского университета за первые 25 лет его существования (1888-1913 гг.). Томск, 1917. С. 59; Н.Д. Либеров: Некролог // Омская правда. 1944. 12 янв.; Из писем безымянного студента // За советскую науку. 1988. 29 сент., 6 окт.; Тепло становилось на душе от речи профессора // Сибирская старина: краеведческий альманах. 1998. Сентябрь. № 15 (20). С. 10-14; Письма студента // Контакт (молодежное приложение к газете «Alma mater»). 2000. Май.

Письма Н.Д. Либерова Письмо первое

Н.Д. Либеров — студент

Дорогой Евгений! Пишу тебе, потому что в душе у меня в настоящее время чистейший ад. Такое теперь ужасное состояние, какое я раз только и переживал в своей жизни, когда именно мать умирала. Семинария теперь с каждым часом все более и более пустеет. С ужасом приходится мне смотреть за тем, как ряды моих товарищей, с которыми я сжилась и которых от души полюбил, постепенно редеют. И недалеко уже то время, когда я останусь один в громадном здании казенного общежития, которое с удовольствием бы взорвал на воздух. Пройдешь по комнатам — и такая тоска охватит меня всего, что схватишь картуз, накинешь пальтишко — и бежишь куданибудь подальше, где народ, где жизнь, где движение и где нет мертвящей тишины и подавляющей пустоты. Друзья разъехались почти все, так что и говорить теперь почти не с кем. Приходится весь день быть одному с самим собою и прислушиваться к той тоске, которая, ухватила мое сердце и кажется постепенно отрывает от него кусок за куском. Похожее ощущение бывает, когда зубы сильно болят. Впрочем будет мне говорить о том состоянии, какое я теперь испытываю. Ты наверно не поймешь, потому что не такой тряпка, как я, у тебя сердечная внутренняя жизнь не так развита, как у меня, у которого она достигла крайних пределов. Опишу лучше я

тебе шаг за шагом всё то, что было со мной после того, как ты уехал. По гречески был у нас экзамен через день после твоего отъезда. Это был не экзамен, а пародия на экзамен; спрашивали всего час и три четверти часа. Отвечать было ужасно просто. Даже те, которые отличались блаженным неведением в области греческого языка, даже и те хватали четверки. Я, конечно, ответил на 5, хотя чувствую, что пяти совсем недостоин. Да и ответ то мой не был безупречен. Из разбора спросили меня, как начало слова λυσιτεροι. И я представь себе сказал λαιναυιο и только после того уже, как протоирей¹ в изумлении посмотрел на меня, я поправился и сказал λυα. Через день после греческого был экзамен по латыни. На экзамен явился сам иеромонах² Анатолий. Пред экзаменом, накануне, кажется, он просил нас разметить по билетам то, что переводили в продолжении года. Мы разметили, поместивши в билеты всё то, что переводили при Анатолии. Каково же было наше изумление, когда Анатолий дал нам на экзамен свои разметки и стал заставлять нас переводить нас то, что мы никогда в году не видали и что по его мнению мы переводили. Это нас разозлило. Мы вышли из класса; через служителя вызвали инспектора (он был у нас председателем на экзамене по латыни) и заявили ему; что не будем держать экзамена, если Анатолий будет спрашивать то, что в продолжении года не спрашивал. Наше заявление имело успех; Анатолий посократился, но только немного; по прежнему вид его был гордый и заносчивый. Когда дошло дело до меня, и я вытащил билет (а попался мне первый) Анатолий предложил мне свободный перевод на том месте, где раскрылась книга. При этом он сказал Инспектору и Грандилевскому (он тоже сидел), что я отлично занимался в продолжении года. На предложение Анатолия я отказался, мотивируя свой отказ тем, что за собой слишком больших сил не чувствую и знаю не так хорошо, как преподаватель думает. Ну как хотите, сказал Анатолий, стеснять вас я не намерен; предложил же я собственно в ваших же видах, для вашей же пользы. Таким то образом я отстаю свое право переводить 1ый бил[ет], который мне достался. Ответил я, действительно хорошо. Анатолий спросил меня, после того, как я перевел свой билет, когда ставится сосла[ательное] наклонение настоящ[его] времени вместо будущего. И еще какой то вопрос вроде этого задал. Грандилевский спросил о прилагательном dignus, с каким падежом согласуется — только этим и ограничился. После этого меня послали на место. Спрашивали у нас снизу. Так что ответа Вертоградского я не слышал. О чём сильно жалелю. Интересно всё таки было бы послушать. Говорят товарищи, что вышла чуть ли даже не перебранка между Вертоградским и Ана[толием]. Дело в том, что Анатолий проврался, а Вертоградский и поддел его, за что получил 3, тогда как Инспектор и Грандилевский поставили по 5. Анатолий подал на Вертоградского докладную записку на имя правления. Поэтому поводу было 28 числа собрание; ну а о результатах этого собрания я сообщу тебе позднее. Через два дня после греческого был экзамен по обличительному Богословию. Приходилось готовиться к этому экзамену. Одно утешало, что это экзамен последний и что скоро долбежке уже безвозвратный конец. Как ни

как, а всё же таки приготовился я по Обличительному довольно хорошо. Билет достался простой; ответил прекрасно. Барин (он опять был председателем) спросил меня, куда я думаю по окончании курса. Я заявил, что поеду учиться дальше. Ну а куда задал он мне новый вопрос. Я смутился и ответил "Не знаю". Иначе сказать мне было совсем нельзя. Ведь дело то в том, что я изъявил желание ехать в Академию, если бы меня послали на казенный счет. Ну и пришлось вследствие этого сподличать немножко. После экзамена узнал я от Василия Гавр., что на сочинении экзамена[ионном] у меня четыре (высший балл, пятаков совсем у нас ведь нет). Я удивился. Совсем не ожидал. Даже ты когда то хаял мое сочинение и находил его недостойным четырех. Через четверть часа после экзамена по Облич[ительному] Б[ого]словию был молебен. Учителя присутствовали не все; только те которые сидели на экзаменах 27 числа в 1м и 2м отделениях. Василий Степанович Пом. прочел апостол³, а диакон¹ произнес многолетие учащим и учащимся. И тот и другой, казалось, готовы были лопнуть от чрезвычайно сильного напряжения голоса. Ректор сказал поучение, в котором убеждал нас быть верными престолу и отечеству. Поучение всего заключалось в словах пяти и шести; я, по крайней мере ожидал лучшего. В тот день, когда окончились экзамены было множество пикников; в одном из них и я участвовал. Кроме меня были еще: Успенский Федор, Алешка Доброхотов⁷, Ванька Слободской⁶, Мишка Козырев, Васька Померанцев, Санька Соловьев и Сашка Готовцев. Как видишь, люди были всё хорошие. Купили мы бутылку рома, две бутылки наливки, немного чая и сахару и часов видно в 10 ночи отправились на ту сторону Волги. Час был поздний, но тем не менее мы нашли себе место у одного мужичка; он поставил для нас самовар, за которым мы и просидели около 3х часов. Поместились мы на горе; перед нами лежала Кострома, озаренная ночными огоньками, а под Костромой величаво и спокойно катила свои воды Волга. Было тихо; ветер едва шелестел листьями деревьев. Вдобавок была теплынь такая, какая по ночам редко бывает. Все души пировавших были настроены на торжественный поэтический лад. Чего то хотелось, к чему то стремилась душа моя; было хорошо и в тоже время неудовлетворенность какая то; грусть еще по временам сжимало мое сердце при мысли о разлуке с теми, которые были предо мною и с которыми я так близко сошелся. Думается мне, что те же чувства волновали моих же партнеров; по крайней мере это могу сказать уверенно относительно Федора Павловича Успенского. Вдвоем, помню, мы долго стояли на вершине обрыва, круто спускающего прямо к Волге. Разговор наш был почти без слов, но он был понятен тому и другому. И души наши, бывшие года три в отдалении друг от друга, сделались снова близкими друг другу, родными в эту чудную майскую ночь. Отпили чай мы часа видно в 3 ночи. Начало уже светать. Так как бычков ночью не перевозят, то мы решили шататься всю ночь, тем более, что и ночь то была из таких, в которые, не раскаиваясь впоследствии, можно гулять без ущерба для себя. Отправились мы в рощу слушать пение соловьев. Робко боязливо точно чего то боясь зашелкал помню, один только соловей; но

потом через полчаса вся роща огласилась немолчным веселым пением птиц. Громче всех и лучше конечно пели соловьи. С какою страстью поют одною Евгений, эти соловьи. В их пении так и слышится мне нежная и чистая, как кристалл душа... Очарованные мы прислонились к стволам деревьев и прислушивались к непривычному для уха нашего пению. Часов в 5 утра мы воротились домой и заснули крепким сном, какой только возможен у людей, незнающих ни горя ни забот ни тревог. Вечером 28 числа узнал, что билета мне не дадут; Ректор отказался подписать. Это меня ошеломило; я немедля же отправился к Ректору, и стал просить, его отпустить меня домой; я говорил ему что за мной пришлют лошадь 29 мая в Кинешму⁷ что извозчику придется уехать одному... Но Ректор остался неприклонным... Нет нет я вас не отпущу. Ждите указа из Синода⁸. Тогда мы вам дадим билет и поезжайте с Богом... Слезы выступили у меня на глазах. Разстроенный пришел я к брату и стал делиться с ним своим горем. Навеял тоску и на него. Ждать приходилось, а до каких пор ждать — это было одному Богу известно... Когда то Синод еще решит, скольких из Костр[омской] Семин[арии] надо студентов в Ак[аде]мию, когда то это опред[еление] Синода придет в Семинарию, когда то еще будет по этому поводу собрание, а ты всё жди и жди один в громадном здании, где всё так пусто, мертво и безжизненно. Я сначала было думал остаться в Семинарии, но потом когда заметил, что не в терпеж становится решил во что бы то ни стало уехать. Тем более что звал меня Солов[ьев] Ал[ександр], звал Ал. Лебед. Да дядя есть недалеко от Красного; к тому бы еще можно было съездить. Конечно, более всего меня тянуло к Евгению; но боязнь стеснить его домашних боязнь показаться пред Евгением с непривл[екательной] стороны, удерживала меня от желания ехать в Пл[ес]. И только тогда, когда Санька настойчиво стал просить меня ехать именно к нему, когда он в пользу сего привел множество оснований только тогда я решил ехать к Евгению. При этом в уме моем пронеслась мысль побывать в местах с Евгением в Середе.

Итак... письма этого можно не посыл[ать] Евгению.

PS. Испектор назвал Ректора сумашедц[им] и дураком по поводу того, что он велел держать академиков.

Мои баллы: Священное Писание - 5; Библейская История - 4; Общая церковная История - 5; Русская церк[овная] История - 5; Основное Богословие - 5; Докматическое Богословие - 5; Нравственное Богословие - 5; Обличит[ельное] Богословие - 5; История и Облич[ение] Раскола - 5; Практика - 5; Гомилетика - 5; Литургика - 4; Словесность - 4; История Литературы - 4; Общая Гражд[анская] История - 4; Русская Гражд[анская] История - 5; Алгебра - 3; Геометрия - 4; Физика - 4; Логика - 4; Психология - 5; Философия - 4; Дидактика - 5; Греческий яз[ык] - 5; Латинский яз[ык] - 5; Пение - 4; Французский яз[ык] - 5; Немецкий яз[ык] - 5; Сочинение - 4; Поведение - 5.

С 4 июня по 28-ое июня в селе Борцовке. Адрес: г. Кинешма. Ст[анция] Новая Вичуга. Село Бонячки. Через контору Ив[ана] Ал. Коновалова в Каменке в с. Борцовку — свящ[еннику] Павлу Нифонтову с передачей Вал[енину] Ана[орскому].

С. Рождественское Ст. Ивановское Ветлужского уезда Костромской губернии, В.А. Соколов¹⁰.

г. Макарьев. Учителю, Духовного училища Николаю Ивановичу Слободскому для передачи Ивану Слободскому.

Доброхотов. Кинешма. Широкая улица. Дом Доброхотовой. Квартурует бухгалтер Казначейства А.Е. Вилинский. С. Вичуга (Кинешемского уезда) Александре Викторовне Доброхотовой для передачи А.И. Доброхотову.

Митинский. Кострома. Земскою почтою. В усадьбу Василево Земскому Начальнику 4го участка Николаю Григорьевичу Львову с передачею в село Бураково Алексею Александровичу Митинскому¹¹.

Парейский Иван. В с. Молвитино (Костромской губернии) через Свято-Троицкий женский монастырь Егору Благословенного священного погоста Горок, что на Отцу Димитрию Васильевичу Парейскому с передачей Ивану Димитриевичу Парейскому.

С 29го июля по 3ое Августа в Колшев. Адрес: Ст. Колшево (Кинешемского уезда) Валентину Анагорскому.

¹ Протоиерей (от прото... и иерей) — старший православный священник (БЭС. 2-е изд. М., 2000. С. 970).

² Иеромонах (от греч. hieromonachos) — монах-священник (БЭС. 2-е изд. М., 2000. С. 435).

³ Апостол — христианская богослужебная книга, содержащая часть Нового завета (деяния и послания апостолов) и Апокалипсис (БЭС. 2-е изд. М., 2000. С. 62).

⁴ Дьякон (греч. diakonos) — в православии лицо, имеющее первую, низшую, степень священства; помощник священника, участвующий в церковной службе (песнопения, чтения молитв) (БЭС. 2-е изд. М., 2000. С. 383).

⁵ Алексей Доброхотов — выпускник Костромской духовной семинарии. Поступил на мед. факультет Томского университета в 1896 г. По личной просьбе в том же году был переведен в Казанский университет.

⁶ Иван Николаевич Слободской — сын чиновника. Выпускник Костромской духовной семинарии. Поступил в 1896 г. на медицинский факультет Томского университета. В начале 1897/98 уч. г. с разрешения товарища министра народного просвещения перешел в Юрьевский университет.

⁷ Кинешма — уездный город Костромской губернии, пристань на Волге и железнодорожная станция. Упоминается с 1429 г. (Малый энциклопедический словарь: В 4 т. Репринтное воспроизведение издания Ф.А. Брокгауз-И.А. Ефрон. М., 1994. Т. 3. Стлб. 7).

⁸ Синод (от греч. synodos — собрание) (Святейший синод) — один из высших государственных органов в России в 1721-1917. Ведал делами православной церкви (толкование религиозных догматов, соблюдение обрядов, вопросы духовной цензуры и просвещения, борьба с еретиками и раскольниками). Возглавлял обер-прокурор, назначаемый царем (БЭС. 2-е изд. М., 2000. С. 1099).

⁹ Валентин Александрович Анагорский — сын священника. Выпускник Костромской духовной семинарии. Поступил в 1896 г. на медицинский факультет Томского университета. В начале 1897/98 уч. г. с разрешения министра народного просвещения перешел в университет св. Владимира (Киевский).

¹⁰ Василий Алексеевич Соколов — сын священника, сирота. Выпускник Костромской духовной семинарии. Поступил в 1896 г. на медицинский факультет Томского университета. Будучи студентом 3-го курса, принял участие в студенческих волнениях, вызванных избиением студентов в Петербурге 5 февраля 1899 г., и правлением университета был отчислен по собственному прошению. В январе 1900 г. был вновь принят на 3-й курс медицинского факультета. Окончил Томский университет в 1902 г со степенью лекаря (Список студентов и посторонних слушателей Императорского Томского университета за 1901-1902 акад. год. С. 116).

¹¹ Алексей Александрович Митинский — сын священника. Выпускник Костромской духовной семинарии. Поступил в 1896 г. на медицинский факультет Томского университета, Будучи студентом 3-го курса принял участие в студенческих волнениях, вызванных избиением студентов в Петербурге 5 февраля 1899 г., и правлением университета был отчислен по собственному прошению. В августе того же года был вновь принят на 3-й курс медицинского факультета. (Список студентов и посторонних слушателей Императорского Томского университета за 1901-1902 акад. год. С. 106).

Станция Красное. Костром[ского] уезда. В село Яблонную Пустынь. Псаломщику Николаю Козыреву с передачей Мих[аилу] Козыреву.

Письмо второе

13 июля

Дорогой друг!

Письмо твое я получила 6 го июля. Не много утешительного (лучше сказать, ничего) оно мне сообщило. Зовешь ты меня на свадьбу... Но не горькая ли насмешка звать на то, что прошло уже и былшем поросло? Сообщаешь в своем письме и о том, что не скоро соберешься писать мне... Спасибо за откровенность... Говоришь еще о своем брате — Владимире — о том будто бы я "деловой" по мнению твоего брата. Это — лесть? Но право, Евгений, я в лесть не нуждаюсь. А тем более от тебя я не желал бы никогда слышать льстивых слов, а одну только голую правду... С нетерпением ждал я, Евгений, от тебя самого подробного письма — и не мог дожидаться... Нечего и говорить тебе о том, как это письмо было нужно для меня... Ведь я относительно Томска и Унив[ерситета] находился, да, пожалуй, и теперь нахожусь в самом блаженном неведении... И удивляюсь я тебе, дружище, как ты мог так скоро меня позабыть! Теперь уже 13 июля — а от тебя доселе ни строчки... Свадьба ведь уже давно прошла; пирувань, наверное, кончилось... Отчего бы, кажется, не уделить мне часок - другой? Неужели это составит для тебя большой труд? Для меня — так первое удовольствие — писать близким мне лицам. Вот и теперь я собрался тебе писать, хотя писать то бы и нечего, да и некогда. Все время у меня теперь занято... Все в дороге... От Костромы я тащился пешком (это 115 верст!). Пришел домой — отдохнул немножечко, а потом собрался в Галич — выправлять себе паспортную книжку. А до Галича 50 [верст]; туда и сюда, значит 100 [верст]... В Галиче к ужасу моему паспортной книжки мне не выдали; говорят, несовершеннолетний... просить должен о выдаче отец а не я... Пришлось, таким образом, идти домой, не солоно хлебавши. Завтра опять пойду в Галич. На этот раз уже получу, наверное; ибо в руках у меня письменное согласие отца на выдачу мне паспорта из Полицейского Управления. И все пешком!... Бывает, до того измучишься, прошедши 100 [верст], что, доплетшись кое как домой, спишь без просыпу дня 2... Не поверишь, Евгений, эти хлопоты по Университету до того мне надоели и опротивели, что самый Унив[ерситет] вследствие их потерял для меня половину прелести. И хоть бы хоть нибудь письмишко осветило для меня тьму неведения относ[ительно] Унив[ерситета]!... Впрочем на днях получил письмо от Доброхотова; пишет он о необходимости изменить план поездки в Томск... Вместо водного пути предлагает избрать путь по железной дороге. Я согласился... Написал об изменении плана поездки другим Томичам. Просил ответить поскорее... Только вряд ли успеют ответить. (А письмо Доброхотова) я получила позднею ко таки). Напрасно — вижу теперь, я согласился на изменение плана поездки... Можно с уверенностью сказать, что разъедемся, если не совсем товарищами, то с половиною их непременно. А полку нашего, кстати сказать, прибыло... Собираются будто бы в Томск еще Лебе-

дев Дмитрий¹ и Реч[енский] Андрей². Больше писать, кажется, нечего... Я теперь немного занимаюсь... В дорогах, да в лесу время провожу... Стали расти белые грибы... Третьего дня я и брат набрали их видно до полутораэта. Встретимся ли мы с тобой в Кинешме — не знаю... Ранее я было твердо верил в возможность встречи, а теперь... прости друг... изверился что то... Прощай!... Твой...

Жду от тебя письма: пиши скорей... Не напишешь до времени моего отъезда (поеду я числа 7 или 8 августа)

¹ Дмитрий Николаевич Лебедев — сын псаломщика. Выпускник Костромской духовной семинарии. Поступил в 1896 г. на медицинский факультет Томского университета и окончил его в 1901 г. со степенью лекаря (Список студентов и посторонних слушателей Императорского Томского университета за 1899-1900 акад. год. С. 102).

² Андрей Иванович Реченский — сын священника, сирота. Выпускник Костромской духовной семинарии. Поступил в 1896 г. на медицинский факультет Томского университета. В феврале-марте 1899 г. принимал участие в студенческих волнениях, и правлением университета был уволен с 3-го курса по собственному прошению (Список студентов и посторонних слушателей Императорского Томского университета за 1899-1900 акад. год. С. 272).

Письмо третье

29-го Августа

Дорогой друг, Еня... Пишу тебе из Томска; далеко, как видишь, я закатылся... Не скрою от тебя того, что во время вакации я был на тебя немножко сердит... Теперь же с меня это минутное недовольство тобой спало... и я по-прежнему любящий и искренно желающий тебе добра друг... Надеюсь что и ты на меня не дуешься... Что же мне тебе написать? Впрочем буду писать все по порядку..., начиная с того самого времени, как я выехал из дома... Из дому я отправился 7го Августа... Много было слез при провах... Особенно убивалась матушка... Даже брат и тот прослезился... До Кинешмы ехали на лошадях... Вместе со мной ехал в Кинешму на заработки один мужичек — Петр Иванов... Мужичек развитой... Самоучкой он достиг замечательных для крестьянина знаний в области географии и русской Истории. Первую он знает лучше меня, ну а в последний значительно мне уступит... Дивно все же таки слышать до[вольно] верные суждения от крестьянина о деят[ельности] Грозного, Петра [Великого], Екатерины [Великой], Александра III... В Кинешму заявился в бом часу утра... Встретил здесь я Анагорского, Лебедева Дим[итрия] и Митинского... Анагорский в Кинешме был не один, а вместе с батюшкой и матушкой, которые приехали в Кинешму за тем, что бы проводить сынка в дальнего дорогу... Я натурально познакомился с отцом и матерью Ана[горского]... Особенно близко сошелся с матерью Валентина, которая обласкала меня на ровне с своим сыном и просила не забывать Бога, дружить с сыном, не оставлять его во невзгодах житейских... Я, Анагорский и Лебед[ев] Дим[итрий] ехали в Томск без ответных телеграмм. Это обстоятельство немножко нас тревожило... Не стану, дружище, я тебе описывать своего пути до Нижнего... Ты, кажется, хотел быть в Нижнем...на выставке и, наверно, не хуже меня успел разглядеть все чудеса выставки... Поэтому я умолчу об этом... В Нижнем я был около суток... Покатался на электрич[еской] конке; видел элеватор и подивился чудесам цивилизации с бесплатным билетом осматривал художеств[енный], цент-

ральный и другие отделы всероссийской выставки. Плавал на Финляндских пароходах... В Казани встретил нас Алексей Иванович Доброхотов... От Казани до Симбирска Волга сделалась значительно полноводной; пароход пошел быстрей... Врезался мне в память город Тетюши. Позабыл только, где этот город находится до или после Симбирска. Тетюши находятся на громадной, чуть ли не отвесной горе...лытка, наверно, взбираться извощикам на такую крутизну, чтобы доставить пассажиров с пристани в город и наоборот... Симбирск, подобно Тетюшам находится также на крутой горе...разглядеть его не удалось: не видать... А интересно бы... Симбирск — как говорят обыватели — дворянское гнездо; город этот поражает своей чистотой и в тоже время умственной неподвижностью... Последнее видно хотя бы из того факта, что на пристани в Симбирске встретил нас представитель местной прессы: глуп до безобразия. Описывает он по его словам "драки и истории на романтической подкладке". Конечно, этот представитель Симб[ирской] прессы шарлатан, но... это шарлатанство выходит из ряда вон и, без сомнения, были какие либо местные условия, которыми оно вызвано. Путь от Симбирска до Самары мне чрезвычайно понравился... Соседями нашими на пароходе были умные интеллигентные лица: один — учитель Астраханского уездн[ого] училища; другой — реального; третий, с которым я близко сошелся, дьячек¹ из Самарской губернии. Собственно уроженец он города Симбирска... Обучался в Симб[ирской] Дух[овной] Семинарии. Кончил семинарию 2 года тому назад. А так как в свящ[енники] прямо со школьной скамьи не захотелось, то он решил поступить в дьячки соседней богатой губернии. Получает теперь до 500 руб. в год и удивляется той небогатой жизни, какую ведут наши Костром[ские] свящ[енники] и дьячки. Этот молоденький дьячек угощал меня своим чаем; потчивал домашниками своими; оказывал мне вообще всяческое внимание. Хлебосол ужаснейший. Похож на Крыловского Демьяна (помнишь, басню "Демьянова уха"). Погода от Симбирска до Самары стояла прекрасная... На небе ни оболочка... Дул тихий теплый летний ветерок и едва слышно, точно лелея и нежа, обвевал наши лица, когда мы стояли на носу парохода и любовались, как могуче разсекал пароход тихия воды многоводной Волги реки, как виды сменялись видами, как все дышало негой и упоением. Что значит, к югу то подвинулись!... Ночью никто из нас не спал, да и стыдно как то спать в такие чудные ночи... Луна глядела с высоты и эффектно отражалась в зеркальной поверхности. А по берегу тянулся темный лес и задумчиво, облитый лунным сияньем, смотрелся в неподвижные воды... Нет не выразишь, кажется, всей прелести южной ночи и того чарующего впечатления, какое она производит на душу. Я помню, стоял в эту ночь на носу парохода; ко мне подошел один из будущих Томичей и заговорил со мной таким дружеским откровенным, задушевным тоном, какого раньше с его стороны никогда не встречал. Невольно как то душа смягчается и становится доступна дружбе и чувствам святым и высоким... Спокойствие и ясность духа изредка отравлялись сомнением. Дело в том, что спутники наши, о которых раньше я упомянул, с удивлением выслушивали от нас, что телеграммы из Томска мы не получали, не посылали даже денег на присылку ся. Они го-

ворили нам, что наплав в Томск студентов очень велик и что нас легко могут послать назад. Но...деланного воротить было нельзя и потому мы решили не поднимать более вопроса о Томске и об Унив[ерситете] и не тревожить себя... В Самаре была пересадка... С пристани на вокзал жел[езной] дороги... Наняли мы ломового извозчика за 40 коп.; взвалили все свои вещи на телегу (воз получился порядочный) и отправили на вокзал вместе с извозчиком Митинского; а сами (т.е. я, Анаг[орский], Лебедев, Доброх[отов]) решили пока до отхода поезда осмотреть город. Были в городском саду... Прелесть!.. Тени очень уж много... Хорошо в минуты тоски и душевной невзгоды бродить по этому саду и под влиянием богатой растительности, теплой погоды чувствовать, как бремя спадает с души и легко становится на сердце... Видели памятник Александру II... Чудо!.. Изваяны все завоевания, сделанные Царем-Освободителем. Из памятника бьет фонтан, а вокруг памятника находятся роскошный же цветник... Каких только нет цветов!.. Фрукты в Самаре сравнительно дешевы, — особенно арбузы; цена их доходит до 3х копеек. Прошатались мы по Самаре долго и когда пришли на вокзал (а до вокзала от пристани версты 2 или 3), то были огорашены неприятною вестью: от Самары до Челябинска билет в 3м классе стоил нам 8 [рублей].. да от Челябинска до Кривошекова 19 [рублей]. Что было делать?.. Подумали, подумали, да и надумали было возвратиться в Казань, что бы ехать оттуда на Пермь и Тюмень... Поразчитали же время, отложили этот, действительно, нелепый проект... Решили действовать другим путем... Я, Анагорский и Лебедев откомандированы были к начальнику станции с покорнейшею просьбою — дать нам льготный билет. Получивши отказ, отправились мы к высшей инстанции — к начальнику движения... Не добившись и здесь ничего, сели мы на конку и покатали к правителю канцелярии — юрис-консульту Алсуфьеву. Когда мы взобрали в переднюю того дома, в котором занимался Алсуфьев, швейцар заявил нам, что юрис-консульт только что сел на конку и уехал. Мы в догонку... Любопытно было видеть, как втроем бегом пытались мы догнать конку увозившую Алсуфьева. Все же таки попытка наша увенчалась успехом... Конку догнали... кое как на нее вскочили, заптали по пяточку и, увидевши одного чиновника, осадили его, излагая ему свое бедственное положение... Каково же было наше удивление и наш стыд и досада, когда оказалось, что чиновник, с которым мы так почтительно и подобострастно разговаривали был вовсе не Алсуфьев, а какая то будничная незаметная личность!.. Не смотря на то, что конка, влекомая парой лошадей, быстро катилась по рельсам, мы соскочили с нея на всем ходу и не обращали ни малейшего внимания на крики кондуктора, что так делать не полагается. Отправились опять на поиски Алсуфьева... На этот раз нашли его... Об нас доложили и на наш доклад вышел оч[ень] молодой человек привлекательной наружности; заговорил с нами ласково и приветливо. При всем своем желании помочь нам, он сказал, что сделать ничего для нас не может. Тяжело отозвался в нас этот отказ... Оставалась еще одна самая высшая инстанция, какой то начальник...очень важная особа. Докладывать ему о просителях было нельзя, потому что можно было помешать уединенным его занятиям в кабинете.

Поместили нас против тех дверей, из которых около трех часов пополудни должен был выйти начальник. Стали мы ждать... Но и от этого начальника ничего утешительного не увидели. Не могу, говорит, ничего для вас сделать. Унылые, измученные физически и морально возвращались мы на вокзал жел[езной] дороги. Там шла суматоха... Раздавались свистки... Минут через 5 10 поезда должен был отправиться в Челябинск. Раздумывать не приходилось. Схватили мы свои пожитки, взяли восьмирублевые билеты и, теснясь и толкая друг друга и публику, двинулись по направлению к вагону 3го класса. В вагоне было ужасно тесно... Едва, едва поместились. Ехал с нами вместе какой то торговец из довольно знаменитой чайной фирмы. Циник страшнейший; но веселый малый и, кажется, добряк. Угощал он нас своим чаем, колбасой, которою запасся в Самаре и яблоками, кстати сказать не очень то нынче дешевыми. Поезд шел быстро. Не успеешь выпить стакан чаю, смотришь, уже поезда дошел до станции. В час мы делали верст 60 или 70. Высунь голову из окна, чуется что то стихийное захватывающее в той головокружительной быстроте, с которою поезда наш несея. Жаль только что виды были сначала не особенно хороши. Однообразная поля с черноземною почвой, редкие деревушки, еще более редкие села с деревянными храмами (каменных мало; очень характерное явление: при деревянных церквях богатство священников и дьячков). Из Самары выехали мы в 5 [часов] вечера. Ночь спать было негде; лампочки были все заняты; под конец ночи прикорнули мы на полу (собств[енно] я и Лебедев). Грязно и тесно! — Грязи на верхок!.. Но что же поделаешь! Природа требует своего: ее не пересилишь... Заснули прекрасно, хотя и занимали невыгодное положение. Следующий день был богат впечатлениями: начать с того, что один из пассажиров 3го класса — хохол — потерял свой билет. Да и неудивительно было потерять!.. Контроль шел поминутно... То и дело приходилось вытаскивать билет из кармана и показывать контролерам. Ну как тут не потерять!.. Положение хохла было безвыходное. Денег не было ни копейки. Продолжать путь приходилось пешком... Пешком же идти — не одну, и не две сотни верст — а целые тысячи, сам знаешь, приятно ли это, да наконец и мыслимо ли!.. Пришлось вступить за хохла нам семинарам. На одной из станций, на которой была обнаружена пронажа билета, пошли мы к начальнику станции, — с просьбою войти в положение бедного пассажира, потерявшего билет. Начальник внял нашей просьбе и позволил хохлу ехать далее на машине бесплатно. В этот же день вышла у нас стычка с одним из кондукторов... Когда кондуктор стал нас контролировать, мы спросили его, есть ли спальные вагоны 3го класса?.. Когда же он ответил, что их нет, то один из нас возразил ему: как же нет, когда я своими глазами видел эти вагоны. "Ну так что же, сказал конд[уктор], есть, но не для вас". Эти слова зашли глубоко в душу наиболее горячих из нас... На первой же подвернувшейся станции, когда поезда остановился, мы попросили начальника станции выдать нам жалобную книгу, чтобы записать в ней свое недовольство. Начальник, узнавши, в чем дело, позвал провинившегося кондуктора; этот попытался было отказаться от своих слов, но когда мы готовы были всех пассажиров 3го класса привести в свидетели, он не стал более

запираться; извинился перед нами публично и, когда настала ночь, сам повел нас в спальный вагон, показывая дорогу и отворяя двери, которые попадались на нашем пути. Курьезно, не правда ли!.. В тот же день, когда случились эти два события, природа оживилась, потому что пошли отроги Уральских гор... Стали попадаться леса; жаль только, что пропали наши ели, да сосны все березняк, дубы, клены, да липы. По временам приходилось ехать среди белого дня в совершенной темноте: то наш поезд врезывался в горы, скрывался и затеривался в них. В Челябинск приехали мы на утро... часов видно в 5. Поезд отправлялся далее на следующий день... Ждать приходилось в Челябинске сутки с лишком. Куда и как убить время!.. Утром отправились мы осматривать город. Кстати, вокзал находится в предместьи Челябинска — верстах в 2х от города. Начали мы осмотр, понятно, с предместья... Зашли в трактир — напиться чаю. Чаю не оказалось... Говорят, не торгуют. Пошли в город. Город понравился... Как и быть уездный городок. А уж я думал, что вместо города встречу несколько скученных деревянных домов с двумя тремя церквями. Церквей же оказалось до 5. Каменных построек масса. Есть сады. Торговля бойкая и... к нашему удивлению арбузами и дынями, чрезвычайно дешевыми (арбуз — пятак). Были мы в трактире, гостинице — и чаю не нашли. В этом отношении Челябинск, действительно, замечателен!.. Во всем городе есть одна чайная лавка, учрежденная при том на средства попечительства общ[ества] трез[вости]. Здесь мы и напильсь чаю. Собрали по пятаку с носу (цена обыкновенная). Каждому дали по чайной ложечке. Жара в Челябинске стоит невыносимая. У нас, как[жется] и не бывает таких жаров в Августе месяце. Наехали в Челябинск нашего брата очень много. Мы — Костромичи сошлись пока с одними Симбирцами. Были еще Могилевцы, Калужане, Ярославцы, Смоленцы, Москвичи, один из Воронежа, один из Каменец Подольска — какой то Шепченко², по виду оч[ень] солидный барин (пенсне на носу). Одним словом, очень, очень много!.. Вести доносились до наших ушей самые недобрыя: многих воротили назад. Что кажется меня, Анаг[орского] и Лебедева, так мы не знали даже, допущены или нет к экзаменам. И невольно поднимался в уме тревожный вопрос: Что если не допущены? И жалели мы, что не послали денег на ответную телеграмму. Вад[ентин] Анаг[орский] крепился; духом не падал; спасибо ему за это; по крайности поддерживал всё более и более падающую мою и Лебедева энергию. В Челябинске мы посетили начальника движ[ения] Зап[адно] Сиб[ирской] жел[езной] дор[оги] с просьбою дать нам льготный билет. На этот раз счастье нам улыбнулось. Начальник движ[ения] дал нам возможность с билетом IV класса ехать в 3м. Спать ночью в Челябинске не пришлось. Надо было стеречь свои вещи. Ночь была душная тихая... одна из тех, какие у нас летом редко бывают. Кое как дождалась мы утра, когда можно было отправиться нам в дальнейший путь. Так как семинаристов было оч[ень] много, то мы одни заполнили целый вагон. Правда, к нам применялись еще: учитель Красноярской гимназии, да Иркутский кунец; но это были люди благонадежные. Ехать было хорошо... Не дрожи, как бы не стянули пожитков!.. Нашлись певчие... слышались песни, раздавался веселый смех, посыпались шут-

Садовая улица (слева — здание студенческого общежития, в настоящее время 3-й учебный корпус ТГУ)

ки... Из всех семинаров понравился мне особенно Шепченко, тот самый, который поразил меня сначала своей солидностью и внушительностью. Добродушия в Шепченке бездна... Это — самый искренний, прямой и умный человек... Не смотря на то, что он был старше нас Костромичей (5 лет он был на службе), он дружески с нами сошелся и в его отношениях к нам не было и тени превосходства или гордости и заносчивости... На Зап[адно] Сиб[ирской] жел[езной] дор[оге] станции попадались редко; на станциях поезда стоял долго по 20 30 минут, тогда как на Самаро-Златоустовской жел[езной] дороге всего только по 5 минут. На станциях местные жители продавали пассажирам съестные припасы. По оч[ень] дешевой цене. На одной из станций я, например, приобрел курицу за 7 коп.; блинов штук 10 и тоже за баснословно - дешевую цену.

До самого Кривощекова, где нужно было пересаживаться на пароход, поезд шел очень тихо; делал в час верст 20, 25. От Кривощекова до Томска за билет мы заплатили по рублю; пароход попался хороший; ехать было просторно... соснуть можно было прекрасно. На пароход сели мы 17^м вечером; пред тем, как сесть на пароход, услышали мы вести из Томска: дело в том, что одному из студентов попечитель посоветовал ехать к министру Делянову — просить у него разрешения — поступить в один из российских Унив[ерситетов], так как в Томске места положительно не было. Этот вот студент и сообщил нам, что в Томский Унив[ерситет] поступило до 200^х сот прошений и что решено сделать конкурсный экзамен. Весть о конкурсном экзамене обрадовало меня, Анаг[орского] и Леб[едева], значит, — носилось в уме — экзамену мы допущены. А нам только этого и надо было... В Томск приехали мы 18^м вечером. От пристани до Томска версты 4; поэтому мы (челов[ек] 15) наняли 2^х ломовых (извозчиков за 1 р[убль]); навьючили на них свое имущество; сами пошли пешком. Погода доселе прекрасная, около Томска изменилась; было холодно; к тому же моросил неприятный осенний дождик. Томск, когда мы в него вошли поразил нас невиданною нами доселе удивительною грязью. Идти по городу пришлось по колена в грязи. Я не преувеличиваю нисколько. В подтверждение своих слов сошлюсь на свидет[ельства] местных обывателей. Вот что, например, пишет один из жителей Томска в местной газете: "Томская грязь, еже-

годно весной и летом поглощающая в свои ненасытные недра не только тысячи рублей, но и тысячи обывательских калон, представляет собою какое то восьмое чудо света. Можно жить с приятелем визави на одной улице, и в течении целого месяца не с играть с ним ни одной партии в вист. В конце концов фотографические снимки с томских мостовых весной и осенью можно бы было "экспонировать на всероссийской выставке с верным расчетом получить первый приз за изобретение идеально скверной мостовой". Извозчики перевозят с одной стороны улицы на другую за 30. Денег не брать, по их словам, "грешно". И спасибо Папаше и Мамаше за то, что они навядали мне личные сапоги. Пригодились..., особенно в то время, когда я только что вступал в Томск. Смешно было смотреть на моих спутников, которые в калошах ночью выбирали места, где идти было посуше и вместо сухих мест попадали в непролазную грязь. Измучились, сердешные. Остановились мы сначала на постоялом дворе. В двух небольших комнатках поместилось нас человек 15. Ночью спали буквально друг на друге. До чего было тесно!.. Утром 19^м отправились в Унив[ерситет]. Довольно красивое здание заним[ает] Унив[ерситет]. Есть при нем громадный сад. С трепетом и сердечным замиранием вошел я в Унив[ерситет]. Прежде всего в глаза бросился мне список лиц, допущенных к приемным экзаменам и...к своей великой радости увидел я свою фамилию. На душе немного полегчало... Экзамены, как значилось в другом объявлении, имели быть 23го из рус[ского] яз[ыка] и 24 и 26^м из лат[инского]. Из Костромичей к экзаменам не были сначала допущены: Леб[едев] Дим[итрий], Реч[енский] Анд[рей], Син[айский] Ник[олай]³ и Соколов Вас[илий]; у всех этих 4 аттестаты не особенно хороши; к тому же и документы свои они послали дов[ольно] поздно. Обращают, след[овательно] внимание при приеме в Унив[ерситет] на аттест[ат] и на время подачи прошения. Жалко было смотреть на не принятых... Проехали до трех тысяч верст... и вдруг отказ!.. Много пришлось перенести бедным!.. Помню я, как Лебедев загрустил и затосковал, когда узнал, что к экзаменам он не допущен. Бежал к Ректору, Попечителю... Телеграфировал потом министру и только благодаря участию Деянова⁴ был допущен к испытаниям... Соколов и Реченский добились принятия более легко... Один только Синайский воротился с ничем... Так и отослали назад... Причиною этого было будто бы то, что он нагрубил попечителю..., к тому же оказал невежливость: сел без всякого приглашения напротив попечителя в кресло... Видишь из-за каких мелочей приходится коверкать судьбу... Грубить Синайский, наверно, и не думал... Если и сорвалось быть может, резкое словечко, так под влиянием необычайной душевной тревоги и волнений... Можно бы, кажется, войти в его положение, понять его... 19^м и 20^м числа Августа употребили мы на приискание квартиры: с трудом нашли... Комната дов[ольно] приличная... 4 окна, 4 стола, диван, 4 стула, до 16 цветов, большое зеркало, гравюры... Вот какое убранство нашей комнатки!.. Поместилось нас в ней 4: сначала Я, Анагорский, Доброхотов, и Митинский. Ребята все хорошие. Рассориться невозможно... Анаг[орский] и Мит[инский] — эти парни отходчивые, ну а

Алешка Доброх[отов] не стал бы идти напротив меня: ведь мы с ним большие друзья. Жилось сначала хорошо. Столовались мы в кухмист[ерской]: за это удов[ольствие] платим в полмесяца 3 р[убля].. (на днях переб[рались] в студенч[ескую] деш[евую] столовую). Один только обед... Кормят, положим, изысканно... Утром покупаем к чаю ситнаго... После же обеда до утра следующего дня говеем и с чаем вечерним не едим ничего... Особенно мы по ночам маялись на первых порах не на чем было спать; кроватей не было; одежонки — подложить под себя — тоже не было. Первую ночь я спал на голом полу, вторую на стульях, третью на диване, и потом где придется... 23^м был первый экзамен из русского языка... Происходил экзамен в актов[ом] зале... Ручки, чернила и бумага (гербовая) все это было готовое... Тема была: "Влияние Византии на русское просвещение". Прописал я долгонько; кончил в три часа... О результатах своего сочинения узнал я 26^м, когда происходил экзамен из Лат[инскому] яз[ыку]. Вызвали, помню Пименова⁵, а я, не разлышав фамилии Пименова, думал, что вызывают меня и вышел... Хотел было профессор богословия меня назад отослать, да, подумав немного, велел дожидаться, когда Пименов ответит. Я стоял и ждал...прислушиваясь к тому, как Пименов отвечал... Нельзя сказать, что бы хлестко. Получил однако 4. Дошла очередь и до меня... Перевод достался простой... Шло поэтому у меня, как по маслу... Когда я перевел и разобрал переведенное, профессор богословия заговорил о моем сочинении; Сочинение мое ему понравилось... По его словам, оно лучше всех (экзаменовалось нас 140 чел.) (Оценено мое сочинение баллом 5). Нашел профессор во мне литературное дарование и советовал не бросать пера, когда буду получать медицинское образование. Из Университета я не шел, а летел... Похвала профессора слишком взволновала меня: до того она была неожиданна!.. Что касается письменного экзамена по Латыни, то об этом экзамене нечего и говорить: очень уж просто... Дали переводить что-то о Демосфене... Мы, Костромичи, перевели сообща, а потом переведенное вместе только написали и подали профессору. Книгами при составлении сочинения по рус[скому] яз[ыку] можно пользоваться, сколько угодно. Так как летом я готовился к экзаменам, то поэтому не имел никакой нужды прибегать к пособиям. Написали в общем все дов[ольно] плохо. Средний балл 3- ... Костромичи отличились... Леняка Доброхотов написал нап[р]им[ер] прекрасное сочинение... Получил балл 4+. Попечителю его сочинение очень понравилось. Хорошее также сочинение напис[али] Анаг[орский], Реч[инский], Леб[едев] Дим[итрий]... Если бы ты видел всех экзаменующихся!.. Все, за исключ[ением] нас Костр[омичей], выглядывают как-то солидно и внушительно. Да оно и понятно... Большинство кончило семинарию черт знает когда. Двое — так совсем старики: лет сорок непременно будет каждому из них. И наряду с такими солидными мужами фигура Алеши Митинского!.. Лекции начнутся числа 10-го. Ждать еще долго!.. Теперь помираешь с тоски, особенно после того, что случилось вчера 2-го сент[ября]... Устраивали мы вчера проводы Доброхотова: перевели его, шельму, по его просьбе в Казан[ский]... Счастливец!.. На прощанье сообразили мы выпивку... Подробности о пе-

реводе Доброх[отова] узнаешь, если хочешь от его брата Василия, которому от меня кланяйся. С 23-го числа Ав[густа] погода в Томске переменилась; настали вдруг такие прекрасные дни (солнечные и теплые, даже жаркие) от которых жители Томска совсем уже отвыкли... Каких-нибудь два дня — Томск преобразился... Вместо непролазной грязи появилась невозможная пыль... И в газетах вместо электрического освещения... А какие здесь — если бы ты видел, богатейшие магазины... В России, кажется и не найдешь таких!.. По ночам происходят здесь постоянно кражи... Собак, вследствие этого, необычайно много... Вчера, например, я встретился к вечеру с целой сворою собак (штук до 10). А ночью идти — положительно невозможно без палки... Из под ворот каждого дома тявкает на тебя две или три злобных собаки... Зачастую происходят драки... В обычае — драться здесь "стенка на стенку"... Вообще Томск очень интересен!.. И замечательно как здесь уживаются и мирятся друг с другом непримиримые противоречия!.. Самое высшее образование с невозможной грубостью и суеверием!.. Колоссальное богатство с невыразимой бедностью!.. Жду от тебя письма, самого подробного и обстоятельного. Надеюсь, ждать долго не заставишь... Твой друг.

Брату и своим нижайшее почтение.

Комарову и Ваничке Островскому кланяйся. Последнему обязательно...

Ну... больше писать, кажется, нечего... Кто поедет в Томск на следующий год советую послать пораньше документы и непременно 3 рубля на ответную телеграмму... Советую почитать историю Литературы и Русскую Историю...

3-го Сентября.

- ¹ Дьячок — в Русской православной церкви до 1868 г. священнослужитель, затем (назван псаломщиком) церковнослужитель. Помогал священнику во время богослужения (Большой энциклопедический словарь. 2-е изд. М., 2000. С. 383).
- ² Шепченко Петр Дмитриевич — сирота, сын псаломщика. Выпускник Подольской духовной семинарии (1890). С 4 августа 1890 г. по 16 сентября 1891 г. состоял в должности псаломщика, а с 16 сентября 1891 г. по 18 июля 1896 г. — надзирателя за учениками и учителем Тульчинского духовного училища. Поступил в 1896 г. на медицинский факультет Томского университета с разрешения министра народного просвещения в качестве постороннего слушателя (Список студентов и посторонних слушателей Императорского Томского университета за 1896-1897 академич. год. С. 68).
- ³ Николай Синайский — выпускник Костромской духовной семинарии.
- ⁴ Иван Давидович Делянов (1818-1897) — министр народного просвещения (1882-1897).
- ⁵ Павел Павлович Пименов — сын мещанина. Выпускник Казанской духовной семинарии. Поступил в 1896 г. на мед. факультет Томского университета.

Письмо четвертое

(я хочу, чтобы письма мои адрес[ованные] на твое и Гром[ова] имя вы прочитали друг, другу).

Мит[инский] кланяется.

4 окт[ября]

С 4ой стоят страшные морозы. Прочитай мое письмо, обр[ащенное] к Гром[ову].

Дорогой Евгений! Был, братец мой, я сейчас на деловом собрании; решали кой какие вопросы, касающиеся студентов. Было нас человек около десяти. Костромичи все были в полном сборе. (а нас, как ты знаешь, 8 чело-

век). После разсуждений попили чайку, попили (понятно, исключая меня). С собрания я ушел раньше всех; — потому человек деловой, — времени терять даром не хочу. Мои сожители сидят теперь еще там, а я в тиши одиночества пишу теперь тебе, дорогой друг... Прежде всего я попрошу тебя познакомиться Громова с содержанием этого моего письма... Такт твой подскажет, конечно, что можно прочитать и чего нельзя. В этом отношении полагаюсь вполне на тебя. Передай Николаю Александровичу спасибо за письмо его ко мне и скажи ему, чтобы ожидал от меня ответного письма в самом скором времени по получении тобою настоящего письма. После сего маленького предисловия начинаю свою незамысловатую и простую речь. Не знаю, на чем я остановился в предыдущем письме. Говорил каж[ется] я тебе об экзаменах; между прочим и о том, как счастливо сошел у меня экзамен по Русскому языку. Ты просишь меня прислать тебе мое экзаменическое сочинение... Я, право, не нахожу нужным... тем более, что придется воспроизводить в памяти то, что уже успело в большей или меньшей степени поулетучиться... Скажу тебе только то, что сочинение вышло крайне заурядное, если чем и выдвигается, — так это именно внешней отделкой, за что и получил 5. Не надо забывать того, что о вакансии я до[вольно] деятельно готовился к экзаменам. Прочитал Рождественского и Елпатьев[а]. Русскую Ист[орию]. Орлова и Порф. Историю Литературы. А т[ак] к[ак] содержание сочинения было у меня готовое, то понятное дело, мне оставалось только отделать то, что находилось в моем уже уме, хотя и в potentii. Задавал и теперь нередко задаю я себе вопросы, правду ли сказал профессор Богословия относит[ельно] существов[ания] во мне литерат[урного] даров[ания]... Всё больше и больше убеждаюсь в том, что это — не правда. Никакой литерат[урной] жилки во мне и если профессору и показало это, то это потому, что мои товарищи студенты написали уж очень плохо; вследствие чего при сравнит[ельной] оценке и могло показаться, что мое сочинение действ[ительно], выдвигается и заслужив[ает] внимания. Об этом будет... Решено, значит, что ты у меня не будешь просить моего сочинения. Не знаю писал ли я тебе о том, как представлялся я Инспектору. Да впрочем и говорить то много относительно этого предмета не стоит, да по правде сказать и нечего. Можно, впрочем, сказать, что Инспектор принял меня благосклонно. После обычных вопросов, будет ли у меня форма (мундир, плащ и т.д.) он заметил мне, что сочинение я написал прекрасно и посоветовал затем продолжать вести

Д.Н. Беликов

Иконостас и часть алтарной стены университетской церкви

занятия также удачно, как и начал. Я, конечно, всем этим польщен... Но на счет своих якобы лит[ературных] дарований повторяю, не ошибаюсь. А потому совет проф[ессора] Богословия не покидать пера во время получения высшего образования не исполняю, постараюсь и не исполнять. Бесплезно!... Числа 5 сент[ября] был молебен пред началом ученья... Студентов молилось немного. Не в моде, не в обычае здесь много и долго молиться. Скромная обстановка Унив[ерситетской] церкви поразила меня... Не то, что наша Семи[нария]. А количество молящихся кажется одно бы и тоже. Ведь к[а]к в семинарии так и в Унив[ерситете] Том[ском] учится ок[оло] 500 человек. Молебен служил профессор Беликов¹. Пред началом молебна сказал он нам не большую речь... При небольшом объеме речь эта многое говорила уму и сердцу моему... Высказав похвалу молодежи, которая несмотря на предстоящие труды и массу препятствий к получению высшего образования тем не менее устремилась в Томск, профессор затем сделал нам одно пожелание — это не забывать Бога... Прошу вас, господа, говорил Беликов, почаще вспоминать то, что говорили вам на прощание ваши отцы и матери. Они просили вас — не забывать Бога... Я знаю, продолжал он, многие из вас совертятся с правого пути, отступят от веры и Церкви и прильнуться к неверию и безбожию. Но есть и будут между вами и такие, которые всею душою будут стоять на стороне православия... Это именно те, у которых религиозность — природная... И т[а]к далее, в том же духе... Многое припомнилось во время речи Беликова; вспомнилась мать, осенявшая меня на прощание широким русским крестом и просившая почаще ходить в Церковь — и молиться. Вспомнилась и отец, колко язвивший тех студентов, кот[орые] рисуются своим неверием и безбожием. Припомнилась, наконец, и Федор Павлов[ич], твердивший мне о том, что Унив[ерситет] — не мое место...

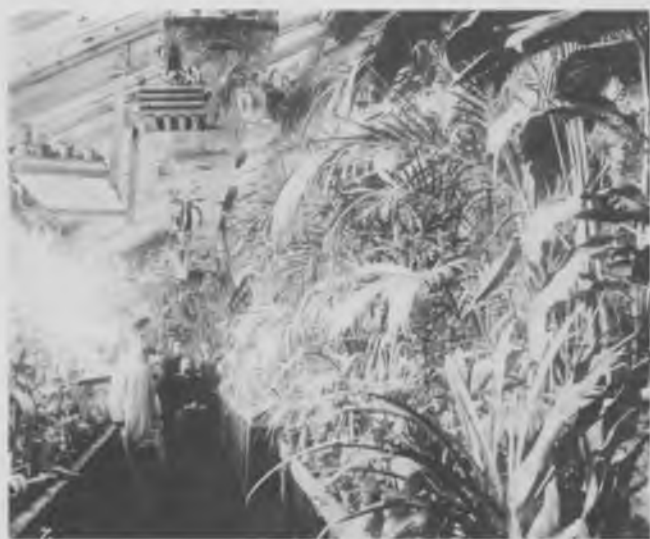
С 6 Сент[ября] начались лекции... Здесь я затрудняюсь... Что тебе сказать о содержании лекций?... Ты просишь сообщить об этом предмете поподробнее... Постараюсь... Хотя вряд ли что и выйдет... Ведь у нас науки (большинство из них по крайней мере) специального характера... А специальности, сам знаешь, каково передавать то!... Ну да чем богат, тем и рад... Первые лекции

были по Ботанике... Читает профессор Сапожников². Хорошо, шельма, читает!.. В первые две лекции заливался как соловей; чего то чего не наговорил!.. И о будущей то нашей деятельности — медиков врачей и об общем то значении науки и об основных то законах в естествознании — вечности материи и вечности энергии. Слушали, понятно, с напряжением... Боялись пропустить хотя бы одно слово...

Блестящая отделка речи, увлекательность тона, умение заинтересовать — вот особенности лекций Ботаника. Впоследствии я всегда слушал со вниманием Сапожникова, хотя предмет его чтений — морфология растений — по временам был и не особенно интересен. Впрочем, были как то две лекции по Бот[анике], до чертиков увлекшие меня... Да и не мудрено увлечься то... Дело шло об размножении растений, о тех разнообразных приспособлениях, к кот[орым] прибегают растения для того, чтобы совершился акт оплодотворения. В одном цветке бывают, например, мужские и женские органы. Мужские органы (тычинки) посредством пыли в них заключающейся действуют на женский орган (пестик); происходит таким образом оплодотворение, развитие семени и в конце концов новое растение. Но бывает и так, что в цветке то находятся только мужские органы, а женских нет. Тогда оплодотв[орение] совершается при посредстве насекомых... Последние собирая питательные вещества переносят пыль (которая заключена в мужских органах известного цветка) на пестик (женский орган другого цветка того же типа растений). Происходит оплодотв[орение]. Причем если пыльца не готова в тычинках цветка, так насекомые задерживаются цветком до тех пор пока пыльца не будет готова... Я думаю, достаточно и этих немногих слов, брошенных мною из области Ботаники, что бы доказать тебе, к[а]к интересна и увлекательна эта наука. Один раз были по Ботанике практические занятия. Поместились это мы в количестве 20 человек в ботанический кабинет; вооружившись ланцетом разселись вокруг длинного стола с профессором посередине. Причем профессор познакомился сначала с каждым из нас, а затем принялся объяснять устройство трех цветков: шалфея, табака и львиного зева. Объяснивши устройство этих 3х цветков, он предложил нам проверить его объяснения, — сиречь взрезать цветки (которые у нас были), — чем мы с величайшим усердием и занялись. Есть у нас в Унив[ерситете] оранжерея. Был я в ней раза 2 или 3... Хорошо!.. Какой контраст с Сибирскою растит[ельностью] представляют оранжерейные растения!.. Тут встретишь и пальмы с их роскошными листьями и лимонные деревья с ви-

В.В. Сапожников

Оранжерея Ботанического сада университета

сящими на них плодами и разнообразнейшей формы цветы из южных краев. Ухаживать из оранжереи обык[овенно] не хочется... Глаз отдыхает, душевная боль постепенно утихает, ибо тут не слышишь зловония трупов, не видишь отвратит[ельной] грязи; в воздухе разносится одно только благоухание.

Скажу несколько слов об Химии. К[а]к ты знаешь, у нас проходится Химия неорганическая... Ты спрашиваешь меня о различии, кот[орое] существует между Органич[еской] и Неорганич[еской] Химией. На это я должен тебе ответить, что Органич[еской] Химии я еще не нюхивал, а потому о предмете этой науки распространиться не могу. Впрочем, на основании тех сведений, которые я получил из Химии Неорганич[еской], скажу тебе, что Химия Неорганич[еская] заним[ается] исследованием тех химич[еских] процессов и превращений, кот[орые] совершаются в телах не обладающих проявлениями жизнедеятельности; значит соединение Кислор[ода] с водородом наприм[ер] принадлежит к области Неорганич[еской] Химии. Органическая же Химия занимается процессами, происходящими в организмах, - растительных, животных и человека. Я так понимаю различие между областями этих двух наук. Читает по Химии Вернер¹. Читает идеально... Учебника по Химии нет; приходится записывать и готовить по запискам... Здесь выступает практическое приложение стенографии, знанием кот[орой] я обладаю. Благодаря стенографии я выдвинулся из среды своих товарищей - студентов. Знакомств масса. Тот, другой и третий просят написать записки по Химии (а стенографич[еские] записки я прикладываю). Не поверишь, многие так прямо таки заискивают во мне. И несмотря на грубое подчас отщивание с моей стороны, продолжают все же гаки лезти... Химия — на-

Е. В. Вернер

ука интересная, только не из легких... В первые две лекции Химик делал кой какие опыты. Знаешь, Евгений, металл натрий и газ хлор. Натрий - это металл горючий; опусти его в воду, так он зажигает в воде водород. Подобными же свойствами обладает и хлор. И в результате соединения этих двух страшных веществ, получается безобидная поваренная соль. Говорят, на экзаменах достается по Химии. Бывает, что экзамен продолжается с 9 ч. утра до 2 часов ночи (каково!..).

А. Е. Смирнов

Есть у нас два профессора Кащенко¹ (читает по зоологии) и Смирнов¹ (читает по гистологии). Профессора, доложу тебе, скучнейшие... В особенности Смирнов... Где причина скуки, кот[орая] овладевает студентом при слушании лекций Смирнова, в не интересности ли вообще предмета или в неумении читать лекции? Я признаю последнее. Крайняя бессистемность в лекциях, неискusstvenная речь, сухое изложение предмета, постоянные запинки, происходящие, от чрезвычайного волнения — вот характерические черты лекций проф[ессора] Смирнова. Как человек — профессор этот очень хорош... Студентов любит занимается с ними добросовестно. Много труда и времени кладет он на то, чтобы каждому студенту объяснить особенность в строении клетки или волоконца (в этом учении о клетках и вол[оконцах] и состоит главным образом предмет Гистологии). Дело на практич[еских] занятиях по Гистологии обыкновенно ведется таким образом: студент чрез микроскоп рассматрив[ает] клеточку, а профессор объясняет. Помню я вступительную речь Смирнова. Вскочил это он на кафедру, как то вдрут, неожиданно для всех... И каково же было мое удивление, когда вместо изложения сухого предмета полились вдрут... стихи..., говорившие о любви, о чести, о долге... Учебника по Гистологии также, как и по Химии нет. Приходится ограничиваться одними лекциями. Недавно я получил приглашение от второкурсников (у них тоже проходится Гистология) литографировать лекции по Гистологии: они свой курс, а я свой... Я согласилась... Но, теперь каж[ется] дело расстроилось: второкурсники на попятную, а мне одному вести дело издательства лекций не под силу.

Из других наук преподается у нас Анатомия, Физика, Геология, Минералогия и Богословие. По Геологии и Минералогии лекций нет не будет совсем: профессор уехал за границу. По Физике ска-

Н. Ф. Кащенко

зять ничего пока не могу, ибо только с сегодняшнего дня начались лекции по этому предмету. Что касается Анатомии, так скажу тебе, что это — самая кропотливая наука. Проходим мы теперь остеологию. Изучили пока один позвоночник, грудину и ребра... Каждый бугорок, желобок, каждое незначит[ельное] возвышение на человеческом теле имеет свое название латинское и к чему-нибудь да приспособлено. По вечерам ходим в Анатомический театр на практич[еские] занятия по Анатомии... Возишься с костями, как ребенок с игрушками. Я обыкновенно показываю..., остальные 10 человек слушают... Теперь о Богословии... Помню я первую лекцию... Убеждая нас держаться веры и церкви, профессор говорил нам: «посмотрите (я, конечно, не буквально передаю его мысли) на русского интеллигентного человека! Обратите внимание на то, каков он в отпавлении своих религиозных обязанностей! Не смотря на то, что искра веры еще не совсем потухла, не смотря на то, что искра эта по временам настойчиво заявляет о своем существовании, заставляя горячо и усердно молиться, не смотря на все это русский интеллигентный человек стыдится, когда его заметит кто либо из знакомых молящимся. Вера среди интеллигенции пала; в чистом виде ее можно найти только среди православного русского народа. Рус[ский] народ своею русскою душой чует истину — и потому он является глубоко религиозным. Вы, господа, в Унив[ерситете] легко можете совратиться, сбиться с правого пути, удариться в атеизм и материализм, так угодные современной интеллигенции. Когда вы встанете на путь сомнения или еще хуже отрицания — прошу вас, господа, взгляните поглубже в свою душу и посмотрите, свободно ли вам дышится в той новой атмосфере, кот[орую] вы избрали вместо родной и близкой вам. И вы тотчас же увидите, что не легко вам... Вы унылы и мрачны... У вас нет на душе покоя и отрады, что дает исключительно только религия, вера и молитва... Вам трудно дышится... Не есть ли это доказ[ательство] ложности избранной вами дороги? Тепло становилось на душе от речи профессора. Много подкупало в пользу его и тот задущ[евный] тон, с которым он говорил свою первую речь и та любовь к нам — которая слышалась в каждом слове, каждом жесте. Когда я в первый раз вошел в анатомич[еский] театр увидел на столах трех мертвецов, предназначенных для вскрытия... Слышал я об этих вскрытиях. Роется прозектор⁶ во внутренностях человека, точно мясник в убитой корове!... Слышались при этом нередко шутки... На душе на первый раз было не хорошо... Где же тут, думалось мне, религия с ее священными, глубоко знаменательными обрядами отпевания и похорон? Где та почест[ь], кот[орая] воздается телу покойника в Церкви Прав[ославной]? Что напомин[ает] во всей этой процедуре анатомир[ование] и рассек[ание] о существ[овании] загробной жизни, невид[имого] мира, будущего мировозд[ания]!... Помню после этих дум была лекция по Богословию. Как бы в ответ на мои вопросы профессор стал говорить о невид[имом] мире, загробной жизни, доказывая существ[овании] того и друг[ого]... Под влиянием этой лекции я ясно видел, к[ак] постепенно утихает душевная боль..., как становится тепло на сердце, точно приголубила и приласкала родная матушка свое детище

в его тоске безысходной. Ну, о Богословии будет; поговорим о другом... Землячеств нет у нас... Жаль... Дов[ольно] близко познакомился я пока только с Ниф[антовым]⁷ — может помнишь по Семинарии. Религ[иозностью] напр[имер] Ниф[антов] не отличается. Тем не менее я не чуждаюсь его. Да и страшно было бы чуждаться!.. Если бы я стал отдаляться от него — этим бы самым я показал, что боюсь за свою веру, что она у меня не тверда и готова пошатнуться. Курсовой кассы пока ещё нет; но скоро будет. 180 первокурсников разбились на 9 групп по 20 в каждой. В каждой группе есть представитель. В нашей представит[елем] состоит Валентин Ана[горский]. Когда происходило собрание нашей группы насчет представителя, то выбор колебался между мной, Анагорским и одним Вятичем — неким Лупшовым⁸. По крайней мере Симбирцы, Ярославцы и нек[оторые] из Костромичей подали голос за меня... Должен я тебе сказать, что мое мнение не на стороне кассы. Посмотрю, посмотрю, да и улизну из участников... 1 р[убль] единовр[еменный] взнос, да 25 коп. ежемесячно!.. А где возьмешь эти деньги. Финансовая часть наход[ится] далеко не в цветущем состоянии. Со мной вместе стоят Валент[ин] Ана[горский], Митинский, Слободской. Ребята хорошие, — только бездеятельные уж очень. Иногда ссоримся; в общем живем мирно: мечтаем о Костроме, говорим о Семинарии, интересуемся всеми новостями нашей жизни. Что касается Томска, так он не интересен... Бесперывный дождь то и дело поливает ни в чем неповинную Том[скую] грязь, да студентов Унив[ерситета], бегущих на лекции в своих легоньких плащах. Грязь в Томске полированная; пожалуй в ней можно найти даже поэзию: очень уж она красиво блестит... Даже по ночам безобразное состояние улиц Томска не скрашивается. Электрическое освещение оттеняет грязь на нежном матовом свете фонарей!.. Томск, Томск!.. Убог и беден ты по внешнему виду, да и по внутреннему то не совсем хорош... Постоянные кражи, убийства, любовь к дракам — вот чем характеризуюешь ты себя. И немного находится интеллигентных личностей, кот[орые] стоят за правду и добро... По временам слышались сочувственные отклики на бедственное положение нашего брата — студентов. Не посетуешь, брат, наверно, если я приведу выдержку из Томского листка.

Болячка студенчества

Это, конечно, бедность. Она составляет порок не студенчества, а общества. Студент — надежда государства, студент-медик — будущий врач обывательских нарывов и ран. Хрупкий человеческий организм полон страданий: голова болит, ноги ломит, желудок не варит, нарыв в печени, лёгких, гортани, селезенке. Язвы, головокружение, боли рождения, муки смерти. — Доктора!.. Будущему врачу дают дорогих профессоров, роскошные аудитории, кабинеты, лаборатории. Но не дают ему хлеба, не дают платья... Я сам был студентом. И, когда, слушая чудные лекции Мечникова⁹ или Трачевского¹⁰, я уживался и витал в высях научного мира, мой желудок бурчал мне какую то несносную, поющую песню: Кушать, кушать! Когда я в зимний холодный вечер уходил с товарищеской беседы и мое существо было полно внутреннего

огня от восторга идеалом и негодования злом, кости мои отвратительно ныли и шлеп был ненадежным мне другом. И я пламеневший восторгом молодости, завидовал тогда маленькому прикащику, у которого были теплое пальто и теплый сун. Для многих из молодежи история студенчества — это сплошная история борьбы за кусок хлеба. Во время лекции студент думает: найду ли урок? Не откажут ли ему от урока? Сегодня нагрубил ученик, косится мамаша... — Что это. Ваня в последнее время получает всё двойки? И бедный студент краснеет, бледнеет и его схватывает чувство обиды, боль за несправедливый упрек ему, который так много трудится, и так много кашляет. Что быть студентом, нужно пройти о[чень] трудную головоломную школу. Бездарные редко проходят. Студенты Семинарий в Томске — это цвет семинаров всей России (!?!...) Они покидают родину, близких. Из Культурной Польши, жгучаго Кавказа, ласкающего Крыма гонит их в Томскую грязь и на Томские морозы жажда науки. Дети бедных свящ[енников] и обездоленных дяконов — они верят во людей и в себя. А когда этот искатель науки, сталкиваясь с холодом равнодушия к его судьбе, запивает, эти тартюфы (сыт[ые]богачи), винтеры и запивалы говорят брезгливо: — пьяницы!.. А когда изможденный бедностью и непосильным трудом на копеечных уроках — он попадает в клинику для хроников чахоточных, эти же сытые тартюфы грят: "от невоздержанной жизни!" От нужды вы хотите сказать? А когда я вижу по набережной студента, одетого в легкое истреп[анное] пальто, с бледными ввалившимися щеками, я готов клакнуть на весь Томск: где вы жирные и дородные, в пимах и дохах? Где вы довольные и счастливые, пьяные в сытости и сытые в пьянстве? Пять рублей!?! Да их же можно бросить под пьяную руку лакею. А пойти в скучное общество, где читаются прошения, политые слезами, — прошения, на коих вместо чернил — кровь борю[щегося] в судорогах бедности студента, пойти туда? Нет, право, я занят. Простите, читатель, за резкость тона!.. И тому, кто в Унив[ерситете] испытал сам удары бедности, больно видеть Томское обездоленное студенчество..."

Каково! Евгений! Как нравится!.. Громчику кланяйся. Я желал бы, чтобы он прочел это письмо. Пусть ждет от меня письма в самом непрод[олжительном] времени!.. Брату, ради Бога, Кланяйся!.. Также Ване Остр[овскому] и всем прав[ославным] христианам.

Твой друг Либеров.

Публикацию писем и примечания к ним подготовили
С.Ф. Фоминых и С.А. Некрылов.

- ¹ Дмитрий Никанорович Беликов (1852-1932) — ученый-богослов. Выпускник Казанской духовной академии (1878). С 22 октября 1889 г. — профессор, с 1904 г. заслуженный ординарный профессор по кафедре богословия Томского университета. Как профессор кафедры, читал для студентов младших курсов православного вероисповедания медицинского, а затем юридического факультетов обязательный курс богословия (Профессора Томского университета: Биографический словарь. Вып. 1. 1888-1917 / Отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. С. 34-37).
- ² Василий Васильевич Сапожников (1861-1924) — ботаник. Выпускник естественного отделения физико-математического факультета Московского университета (1869). Доктор ботаники (1896). С 1 мая 1893 г. — экстраординарный, с 16 апреля 1901 г. — ординарный, с 1916 г. — заслуженный ординарный профессор по кафедре ботаники Томского университета. Читал курс ботаники для студентов медицинского факультета (Профессора Томского университета... Вып. 1. С. 227-234).
- ³ Евгений Валерианович Вернер (1843-1907) — химик. Выпускник физико-математического факультета Новороссийского (Одесского) университета (1869). Доктор химии (1894). С 24 июня 1893 г. — и. д. экстраординарного профессора по кафедре неорганической, органической и аналитической химии, с 11 сентября 1894 г. — экстраординарный, с 1 января 1900 г. по 11 июня 1903 г. — ординарный профессор по кафедре общей химии Томского университета. Читал студентам медицинского факультета курсы неорганической, органической и аналитической химии. В 1903 г. выбыл из числа штатных профессоров за выслугой 30-летнего срока (Профессора Томского университета... Вып. 1. С. 65-66).
- ⁴ Николай Феофанович Кащенко (1855-1935) — зоолог. Выпускник медицинского факультета Харьковского университета (1880). Доктор медицины (1884), доктор зоологии (Honoris causa) (1891). С 17 ноября 1888 г. — экстраординарный, с 21 июня 1891 г. — ординарный, с 1909 г. — заслуженный ординарный профессор по кафедре зоологии со сравнительной анатомии Томского университета. Читал студентам медицинского факультета курсы зоологии, анатомии и систематики беспозвоночных, сравнительной анатомии позвоночных с кратким их систематическим обзором. В 1912 г. выехал в Киев, где впоследствии занимался научной, педагогической и общественной деятельностью (Профессора Томского университета... Вып. 1. С. 109-114).
- ⁵ Алексей Ефимович Смирнов (1859-1910) — гистолог. Выпускник медицинского факультета Казанского университета (1884 г.). С 1895 г. — экстраординарный, с 1901 г. — ординарный профессор по кафедре гистологии и эмбриологии. Читал студентам медицинского факультета курс гистологии и эмбриологии (Профессора Томского университета... Вып. 1. С. 234-238).
- ⁶ Прозектор (позднелатинское prosector, букв. — тот, кто рассекает) — врач патологоанатомического отделения (прозекутуры) при лечебном учреждении (БЭС. 2-е изд. М., 2000. С. 964).
- ⁷ Геннадий Дмитриевич Нифантов — сын диакона, сирота. Выпускник Костромской духовной семинарии. Поступил в 1894 г. на медицинский факультет Томского университета. В феврале-марте 1899 г. принимал участие в студенческих волнениях и был отчислен из университета (Список студентов и посторонних слушателей Императорского Томского университета за 1899-1900 акад. год. С. 262).
- ⁸ Арсений Николаевич Луппов — сын псаломщика. Окончил Вятскую духовную семинарию в 1889 г. Поступил на мед. факультет Томского университета в 1896 г. и окончил его в 1902 г. с отличием и степенью лекаря. С 1 января 1903 г. — лаборант при акушерско-гинекологической клинике. С 1 января 1915 г. — старший ассистент при той же клинике (Список студентов и посторонних слушателей Императорского Томского университета за 1901-1902 акад. год. С. 106; Краткий исторический очерк Томского университета за первые 25 лет его существования (1888-1913 гг.). Томск, 1917. С. 48).
- ⁹ Илья Ильич Мечников (1845-1916) — выдающийся русский биолог и патолог, один из основоположников сравнительной патологии, эволюционной эмбриологии, иммунологии, создатель научной школы. Чл.-корр. (1883), почетный член (1902) Петербургской АН. С 1888 г. работал в Пастеровском институте (Париж). Лауреат Нобелевской премии (1908, совместно с П. Эрлихом) (Советский энциклопедический словарь. 4-е изд. М., 1990. С. 810).
- ¹⁰ Александр Семенович Трачевский (1838-1906) — русский историк. В 1878-1890 гг. — профессор всеобщей истории Новороссийского (Одесского) университета.